

Дмитрий Володихин **ДЛЯ КОГО ПИШЕТ ИСТОРИК?**

Профессиональные занятия историков вроде бы на слуху. Они то и дело всплывают в неистовых спорах о «фальсификациях», в боях за историческую основу какой-нибудь идеологии, в схватках за и против «национальных мифов», «общечеловеческих ценностей» и т.п. Ученых то честят последними словами, то ставят в пример «профанам»... Но всё это – даже в лучших своих образцах – бурление на поверхности. Треск от ломающихся копий стоит великий, а вслушаешься в него, и так мало в нем здравого смысла и нравственного чувства! Чаше – классическое: «Шумим, брат, шумим...» Между тем, существует глубинный слой проблемы, гораздо более важный и на порядок более сложный, чем вся эта торопливая трескотня.

А именно: чем занимается сейчас огромная армия профессиональных историков России? Не те редкие люди, коих регулярно приглашают для участия в телепрограммах, а – все?

1

По стране рассеяны тысячи дипломированных историков, работающих по специальности. Это работники музеев, библиотек, архивов, всякого рода редакций, преподаватели вузов и – вершина пирамида! – сотрудники академических институтов. Если же добавить сюда школьных учителей, то счет пойдет на десятки тысяч. В подавляющем большинстве случаев их работу заказывает государство. И чем дальше, тем сильнее впечатление, что оно не очень понимает, для чего ему понадобились историки.

Да, разумеется, историки есть в Европе и, значит, у нас они тоже должны быть. В конце концов, некоторые вещи престижны для державы с серьезными политическими амбициями. Надобно иметь не только армию и флот, герб и гимн, конституцию и парламент, то также собственную Академию наук с институтами исторической направленности, собственную историческую энциклопедию, собственную профессию, из года в год читающую лекции на исторические темы. Без этого – неудобно! Там – от Смоленска и дальше на запад – преподают историю в школах и университетах. Следовательно, и нам без нее не обойтись: положение обязывает выглядеть не хуже (или хотя бы не очень хуже), чем выглядят контрагенты нашей политической элиты по экономическому и дипломатическому диалогу.

Иначе -- засмеют! Неудобно как-то.

Однако... действительный смысл дорогостоящего содержания многолюдной армии историков от государства ускользает. Историки должны присутствовать на своих местах и регулярно делать вид, что всерьез и по-настоящему занимаются своим делом. В ответ государство готово регулярно делать вид, будто платит им жалование. То, что им в действительности

достается, является, скорее, финансовым бонусом, выплачиваемым за терпеливое отношение к собственному нищенству.

Разумеется, государство заинтересовано в том, чтобы преподавание истории велось в рамках господствующей на данный избирательный цикл идеологии и не выходило за пределы лояльного отношения к правительству. Что же касается содержательной стороны преподавания, то она вызывает значительно меньший интерес у «верхов». Историк может делать свою работу великолепно, талантливо, крепко, неплохо, посредственно, слабо, отвратительно, безобразно, из рук вон плохо... во всех случаях это вряд ли как-то беспокоит генерального заказчика. Вот если он совсем перестанет являться на работу, это в конце концов вызовет некоторые нарекания, поскольку вступает в противоречие с трудовой дисциплиной: на месте надо присутствовать, на то оно и присутственное место...

Государство не основывает какой-либо деятельности на статьях и монографических работах профессиональных историков. Оно не приглашает их в качестве консультантов для решения каких-либо социальных и культурных вопросов, помимо, быть может, обоснованности некоторых юбилеев.

Изредка, оно отправляет вниз по инстанциям запросы, на которые историкам приходится отвечать, составляя экспертные записки. Оные записки подшиваются к делу, прибавив ему символическую научную обоснованности, но никак не используются. Если историк-профессионал, является добрым знакомым крупного чиновника или политтехнолога, то его иногда приглашают поучаствовать в идеологической и/или информационной компании на эпизодической роли. Время от времени власть инициирует создание идеологически выверенного учебника или... осуждение учебника идеологически не выверенного. Тогда историки опять приглашаются для исполнения особого заказа сверх ординарной повседневной деятельности.

Но в ста случаях из ста правительство не будет использовать данные, полученные трудом профессиональных историков, для внесения каких-либо коррективов в долгосрочные стратегии, идейное наполнение политического курса или работу административного аппарата. В научных статьях и монографиях оно несколько не нуждается.

Очень верно для наших дней звучат слова, сказанные когда-то В.О. Ключевским: «Политика должна быть не более и не менее, как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как ее искажение».

Таким образом, современный историк принимает на себя роль живого элемента декораций.

За это он получает прожиточный минимум и может удовлетворять личное любопытство и склонность к аналитической работе на средства, выделяемые из бюджета. Отношения историков и государства в настоящее время напоминают деревенскую семью, где отец давно охладил к жене и равнодушен к детям, но не желает скверно выглядеть в глазах соседей, а

потому дает деньги на прокорм потомства и время от времени порет отпрысков, которые, с его точки зрения, набезобразничали.

2

Кому же тогда адресуются научные работы? Если они не нужны государству, то, вероятно, в них есть иной смысл, никак не связанный с практическими надобностями правительства.

Весь строй, язык, композиция академических произведений и весь их полемический задор – если он есть, конечно, -- свидетельствуют об одном: подобные тексты адресованы другим специалистам по теме, заявленной в заголовке. Только им, и никому, кроме них. Давно сложился академический этикет, позволяющий, при соблюдении определенных традиций, языковых норм и ритуалов, связанных с научно-справочным аппаратом, ввести текст в научный оборот. Порой – вне зависимости от его качества и от объема приращенных знаний.

Современный историк пишет для десяти серьезных специалистов по его теме, двадцати специалистов несерьезных, пятидесяти специалистов по смежным областям, а также сотни студентов и аспирантов, пишущих курсовые/дипломные/кандидатские. Удивительно то, что в научном сообществе до сих пор вызывают негодование низкие тиражи научных изданий. Правда состоит в том, что научное издание, если оно не принимает вид справочника, необходимо ограниченному списку людей -- от ста до трехсот человек, очень большой успех – если для тысячи.

Фактически, дети оставленные отцом, заперлись в детской и развлекают друг друга интересными беседами.

Каково академическое книгоиздание, таково и распространение научной книги. Те неказистые малотиражные книжечки, которые время от времени печатаются на скудные средства вузов, музеев, библиотек, либо на спонсорские деньги, не только лишены корректуры (а то и редактуры), они еще и лишены будущего. После того, как 16 обязательных экземпляров отправились в Книжную палату, авторы получили свои экз., местная библиотека забрала еще несколько книжек, остается раздать остаток тем знакомым, которые оказались поближе, да еще, может быть, разослать несколько штук в крупные научные центры – если есть, кому заниматься этой технической работой. В продажу поступает ничтожная доля научной продукции, а действительно продается совсем уж смешной ее процент.

Нормальное дело для какой-нибудь кафедры, музея, библиотеки, научного центра – годами хранить нераспакованные пачки, оставшиеся от трехсотэкземплярного сборника материалов давно прошедшей конференции. Когда-то она прогремела... в узких кругах. Ее запомнили как «серьезное достижение». И... думать забыли о том, что надо как-то распахивать те самые прогремевшие материалы.

Конечно, государство отпускает на солидное научное книгоиздание грантовые деньги. Нет смысла говорить о том, как их мало, подавно не стоит

обсуждать механизм их раздачи. Эти вопросы столь долго и в столь плачевных тонах обсуждаются научным сообществом, что сейчас от них просто скулы сводит. Какая-то академическая кислятина... Гораздо важнее то, что происходит со счастливо вышедшими на эти гранты статьями и монографиями. Казалось бы, они-то уж точно найдут своего читателя в научном сообществе. Но... надо назвать вещи своими именами: такие издания весьма дороги, они вдвое-втрое дороже, чем то, что выпускают коммерческие издательства; в итоге купить их труднее всего именно тем, для кого они и предназначаются -- нищим профессиональным историкам.

На первом этаже здания, где находится Институт российской истории, располагается знаменитая книжная лавка, ориентированная на интересы историков-специалистов. Так вот, уборщица может со спокойной совестью обойти это место, ни разу не взмахнув шваброй: пол там отмыт до блеска слюнями почтенных исследователей, которые видят отличные книги коллег, но приобрести их не могут. Зарплата не позволяет...

Что же касается авторитетных сетевых порталов, связанных с исторической тематикой, то их до крайности мало и, кроме того, они не гарантируют профессионалу, решившему разместить там свой материал, какой-либо финансовой отдачи от его работы.

Остается резюмировать: *пока современный историк адресует свои труды одним только коллегам, работа по специальности дает ему весьма скромные возможности для творческой реализации.* В то же время, между его работой и нуждами социума разверзается пропасть, становящаяся все шире и шире.

Не-специалист равнодушен к научным трудам и обращается к ним весьма редко. Точнее сказать, в исключительных случаях. А когда наступает подобный «исключительный случай», то интересующийся историческими знаниями человек-со-стороны, сталкиваясь с профессионально сделанной монографией, мало понимает в ней, да еще и дает ей порою самое превратное толкование. По страницам популярных журналов и газет, а еще того больше по блогосфере кочуют фразы известных исследователей, вырванные из контекста, искаженные сокращениями, пересказанные до неузнаваемости... Из них только ленивый не делает чучело для битья.

Самая большая проблема современного научного сообщества историков состоит не в том, что государство финансирует его нанопорциями, и не в том, что госструктуры не интересуются результатами научной работы. И даже, по большому счету, не в том, что академическое книгоиздание усохло до неприличия. Гораздо хуже другое: история, хотя и числится общественной наукой, с обществом встречается только на уроках в школе и на вузовских лекциях. В остальном между ним и исторической наукой – непробиваемая стена.

Между тем, возможности творчески реализоваться у профессионального историка многократно возрастают, если он оказывается способен переадресовать свои работы социуму. Во всяком случае, какому-то крупному его сегменту.

Это вовсе не значит, что история может прожить без чисто академических трудов. Сказать такое было бы сущей бессмыслицей. Приращение знаний о прошлом возможно только в этой форме, других инструментов его «добычи» в принципе не существует. А потому деятельность академического специалиста, на протяжении всей жизни адресующего свои труды узкому кругу знатоков, всегда будет иметь смысл.

Другое дело, что в нынешних условиях этого уже недостаточно. Недостаточно как для исторической науки в целом, поскольку за пределами лекционных залов, кафедр и научных центров она сейчас мало кому нужна, так и персонально для тех историков, которые желают, чтобы их услышали тысячи, а не десятки людей.

Фундаментальное знание называют именно так, поскольку его кладут в фундамент всего здания науки. Но даже если этот фундамент постоянно наращивается и уже готов выдержать вес небоскреба, не следует думать, что небоскреб сам собой материализуется над мощным основанием. На данный момент фундамент есть, и это превосходный фундамент, но над ним – кривобокий недострой без окон, без дверей, без крыши. А кое-где и стены доведены лишь до половины.

Что препятствует этой переадресации? Что не дает сделать дом истории удобным для общества?

Как ни печально, прежде всего, -- навыки научного академического письма.

Карамзина, Соловьева, Ключевского могла читать вся образованная Россия. У Виппера, Платонова и Лаппо-Данилевского была гораздо более скромная аудитория. Но и они могли быть интересны публике, когда писали, примеряясь к ее вкусам. Например, монографии Виппера и Платонова, вышедшие в начале 1920-х почти одновременно и получившие одно название – «Иван Грозный» -- сделаны были так, что читались русскими интеллектуалами с колоссальным вниманием. Ими интересовались люди, стоящие бесконечно далеко от проблем исторической науки. А потом – как отрезало. Язык омертвел, образность исчезла.

Советская эпоха нанесла гуманитарной сфере страшный вред. Историков, философов, филологов заставили говорить языком точных и естественных наук. Затем распространили «правила игры» этих наук на историю и принудили историков строить свои труды в полном с ними соответствии. Затем разработали единый «этикет» требований к монографиям. Стало необходимым подгонять под него результаты научной деятельности. Стало необходимым излагать тему каким-то усредненным, обезличенным, тусклым языком, одним на всех. Распространение математических методов в исторических исследованиях дало серьезный положительный результат. С этим грешно спорить: сколько отличных работ

вышло под сенью клиометрии! Но в то же самое время литературно-философский багаж историка резко сократился. Осведомленность его в конфессиональных вопросах вообще устремилась к ничтожно малым величинам. Специализация, безжалостным цепом раздроблявшая общегуманитарную сферу на ничтожные загончики, лишила его широты кругозора, умения мыслить масштабно, подниматься над уровнем фактографии и видеть исторический процесс с высоты птичьего полета. У гениального В.В. Кожинова хватало смелости сказать: «...всеобщая тяга к специализации, дифференциации знания привела в конце концов к отчуждению филологии и истории. Был бы, конечно, совершенно неосновательным призыв вообще отказаться от специализации, но так или иначе дальнейшее плодотворное изучение истории русского Слова... немислимо без восстановления теснейшей связи с современной исторической наукой». Но большинство перестало видеть какую можно провести связь между «разными научными дисциплинами».

А какой методологией пользуется большинство российских историков в постмарксистскую эру? Да никакой, если не даровать гордый статус самостоятельной методологии ползучему позитивизму.

Отсюда результат:

1. Современный историк плохо владеет литературным русским языком, а сухая, тяжелая, затерминированная «академщина» за пределами научного сообщества выглядит отвратительно;

2. Современный историк не умеет построить в своем сознании образ собеседника, с которым он ведет диалог через свою статью или книгу;

3. Современный историк не очень интересуется тем, насколько востребована в обществе сфера его исследований, и слабо не ориентируется в тематике, вызывающей острый общественный интерес;

4. Современный историк не знает и часто не желает знать механизмов коммерческого книгоиздания, да и вообще правил, по которым историческое знание функционирует за пределами научного сообщества;

5. Подавляющее большинство историков старшего поколения не имеют никакого философского багажа, помимо марксистского;

6. Подавляющее большинство историков старшего поколения крайне слабо разбираются в религиозных проблемах, не имеют представления об истории Церкви.

Так вот, всё это – пробелы в образовании, знаниях и навыках «армии историков», препятствующие полноценной адресации их трудов обществу.

Сегодняшним историкам требуется больше искусства, больше культуры, больше литературы, а им продолжают давать больше математики и «наук о земле».

Историка надо элементарно учить правильно, связно, красиво говорить и писать. Это ведь Ключевский понимал: «Тяжелое дело -- писать легко, но тяжело писать – легкое дело!» Ныне косноязычие ученого человека, пусть бы и гуманитария, порой преподносится как добродетель: дескать, отринув суетный «журнализм» старый специалист «подлинно научно» ворочает

булыжники неподатливых слов... История всегда была общественной наукой. Она не имеет смысла вне интеллектуальных запросов социума. Но как может современный дипломированный специалист полноценно работать со своей аудиторией, если он не владеет азами техники публичного выступления? Да еще связно, удобочитаемо – хотя бы удобочитаемо! – выражать свои мысли на письме...

Студент-историк, как правило, не понимает логику построения доклада, он не умеет хронометрировать речь, у него начисто отсутствуют естественные – для его специальности – познания в области ораторского искусства. В подавляющем большинстве случаев он не прошел курс риторики, без чего образование гуманитария нельзя считать полноценным и законченным. В результате вырастающий из него специалист позорит себя и своих коллег, выдавая во время публичных выступлений жалкую невнятицу, показывая неумение выстроить материал и подать его аудитории просто, прозрачно, логично.

Худо уже то, что он чудовищно разочаровывает людей, интересующихся знаниями о прошлом. Но гораздо опаснее другое: на должности преподавателей в гуманитарных и даже специальных исторических факультетах/кафедрах приходят люди, для этой работы непригодные по критерию культуры речи. Это занижает планку требований к вузовскому преподавателю и оставляет у студента ложное впечатление, будто умение правильно и логично выступать на публике (в частности, преподавать учебные курсы) не является безусловной необходимостью для профессионала. Государственные программы чем дальше, тем больше поворачивают его от живого слова к цифири... Хотелось бы прямо противоположного, но о подобном повороте можно только мечтать. Остается радоваться тому, что нынешние студенты и аспиранты хотя бы получают более основательное представление о философии, чем прежде.

Вывод: современный историк, ищущий диалога с широкой аудиторией, должен самостоятельно поработать над своим интеллектуальным арсеналом. Ему следует овладеть русским литературным, освоиться в общении с издателями, понять, что из сферы его исследовательской активности может заинтересовать многотысячные группы не-специалистов и заняться философским самообразованием.

Но, пожалуй, главное умение, без которого всё остальное обесценивается, это способность четко видеть, кому именно адресуется книга или статья. А это значит, как уже говорилось, -- нарисовать для себя образ собеседника, с которым предполагается установить диалог через текст. Создавая такой образ, надо сложить воедино характерные черты целого «отряда» будущих читателей. Лишь увидев его в деталях, историк сможет до конца определить, как и о чем следует ему разговаривать.

Запросам «аудитории-адресата» должны быть полностью подчинены лексика и весь строй языка, выбор тем, способов их изложения и уместных для данного случая литературных приемов. Самая верная стратегия в подобном случае -- определить, зачем понадобится предполагаемой

аудитории новый исторический текст, как она сможет им воспользоваться, удовлетворяя интеллектуальные запросы.

Работая в этом ключе, *историк обосновывает свою претензию быть прочитанным.*

Это на профессорской кафедре он играет роль господина и повелителя. Студенты обязаны внимательно слушать лектора и хорошенько усваивать сказанное, поскольку им еще предстоит сдать экзамены. Сталкиваясь со строптивыми читателями, которые вовсе не обязаны фокусировать на чьих-то текстах свое внимание, историк теряет монарший статус и сходит с кафедры. Он может установить с читательской аудиторией отношения равного, собеседника. Возможно, вместо этого историку предстоит попробовать роль слуги, услуги. Но в любом случае ему придется, смиренно склонив голову, раз и навсегда отказаться от учительства.

4

Нет такой книги, нет такой статьи, которые можно было бы адресовать всему обществу. Однако существуют устойчивые формы адресации, которые привычно воспринимаются огромным количеством людей.

Первый из них – **историческая публицистика.**

Журналы, теле- и радиoprogramмы, блогосфера и сетевые масс медиа наполнены спорами на исторические темы. Создание новых исторических мифов, выдвижение контрмифов, развенчание тех и других, борьба с «попытками фальсификации», обсуждение «спорных фигур» и «переломных моментов» нашей истории... Одно простое упоминание некоторых тем (Крещение Руси, опричнина, революция 1917 года, Победа, национальный вопрос) и некоторых фигур (Александр Невский, Иван Грозный, Петр I, Сталин) автоматически вызывает бурную полемику. Конечно, знатоку соответствующей темы уместно высказываться в подобных дискуссиях. Он обладает гораздо более глубоким пониманием вопроса, чем подавляющее большинство других участников, -- как правило, дилетантов.

Публицистическая адресация рождает две серьезные проблемы для историка:

- во-первых, она в девяти случаях из десяти предполагает сознательное и недвусмысленное соотнесения себя с одним из мировоззренческих «лагерей» нашей общественной мысли... а то и с отдельной группой внутри «лагеря»;

- во-вторых, немислимо большая часть современных публицистических текстов отличается от классических текстов или хотя бы от текстов двадцатилетней давности гораздо более высоким уровнем эмоциональности и менее высоким -- корректности. Сейчас публицистика весьма часто делается на лозунге, на крике. Нормальным явлением стало эссе, которое представляет собой несколько страниц истерики. Спокойного рассуждения, основанного на знаниях и силе ума, оказывается недостаточно.

Поэтому историку, вступающему в эту реку, по необходимости приходится повышать голос. Иначе его не услышат.

Вторая форма адресации наиболее привычна и удобна для академического историка. Это **научно-популярный жанр**. Он предъявляет сравнительно простые требования к профессионалу, пожелавшему установить диалог с образованной публикой: правильный, простой, «прозрачный» литературный язык, информативность, да еще показ источников, на основе которых сделаны выводы. Лет пятнадцать назад эти требования были в самой лаконичной форме высказаны одним издателем популярных энциклопедий: «Просто о сложном, интересно о важном».

Гораздо сложнее **историософия**. Зато она дает больше творческого простора.

Историософ выдвигает себя на роль интересного собеседника для интеллектуалов. Он предлагает им игру, где хорошая литература – с полным арсеналом художественных приемов, образностью, метафоричностью – совмещена с философической «подкладкой» и поставлена на прочное основание исторического материала. Интеллектуальная игра (в сущности, развлечение для изысканного ума, утонченный досуг образованного человека) составляет суть направления, которому С.А. Экштут дал удачное название «историософский маньеризм». Мастерство историка, ведущего подобную игру, заключается в том, чтобы, задав тему диалога, предвидеть вопросы, которые возникнут в будущем у читателей и не разочаровать их своими ответами на еще не заданные вопросы...

С.А. Экштут высказался на этот счет с большой отвагой: «Мы живем в идеальное время для историософских опытов, когда есть все условия для содержательной, а не спекулятивной интерпретации исторического процесса... Тяга к потустороннему и неземному потеснит гуманистический оптимизм... Воображение и интуиция, связь с мистикой станут новыми опорами для деятельности ученого. Он устремится к виртуозности и усложнению традиционных мотивов. Субъективная основа творчества властно заявит о себе: изучение объекта исследования станет диктоваться внутренним чувством мастера и подчиняться ему... Объективизированному изображению мира будет противопоставлено его художественное воссоздание, ставящее эмоции и переживания выше соблюдения внешнего правдоподобия. Историософские опыты станут сплавом науки с литературой и искусством».

Наконец, четвертая форма адресации – **персональная история**.

Игры в ней нет. Она уходит корнями к Плутарху, к житиям святых, к древним притчам. Основная ее суть – дать современному интеллектуалу информацию о тех глубинных пружинах, которые двигали жизнь духовно родственных ему фигур в прошлом.

Человек, специализирующийся в персональной истории, видит в изучении судьбы одного-единственного исторического деятеля **большую** ценность, нежели в исследовании периода большой длительности, истории целого региона или крупной социальной группы. Результат этого

исследования рассматривается как самоценный и не предназначен для дальнейшего синтеза. Из судьбы одной персоны – всё равно, исключительной для своего времени или встроеной в массовый поток, – извлекается духовное зерно или же экзистенциальная суть. Ее жест, ее каприз эпизод в ее судьбе могут нести в себе информацию исключительной важности, поскольку «проявляют» в критической ситуации скрытые механизмы личности. То, что остается тайной за семью печатями при ординарном течении жизни.

Итог работы историка-«персоналиста» – реконструкция этических, религиозных, психологических образцов поведения личности в обстоятельствах исторического прошлого. Поскольку судьба «портретируемого» во всех случаях уже завершена, вглядываясь в ее обстоятельства из своего времени, историк видит результат слов и поступков персоны, и, следовательно, может в какой-то степени подвести итог...

Любые обстоятельства могут повторяться в истории бесконечное количество раз. Значит, сведения о том, как вели себя в них люди прошлого, остается настоящей драгоценностью для современного человека. Он может использовать чужой духовный опыт как своего рода «кирпичики», сознательно выстраивая собственную личность и собственную судьбу. А живым «передаточным звеном» этого опыта и становится историк. Притчевость, содержащаяся в жизнеописаниях людей прошлого, – если, конечно, уметь извлекать ее осознанно, со всем инструментарием современной науки – никогда высокой цены не потеряет.

Во всех перечисленных случаях историк работает без малейшей надежды на то, что ему удастся понять глобальные закономерности истории, объяснить настоящее и предложить достоверные модели будущего. Это пустой соблазн. Точно так же ему не суждено повлиять на решения правительства даже в самой малой степени, и он это знает. Его тексты не станут изучать на студенческой скамье и, стало быть... не забудут их на второй день после экзамена. Его труд не совершит никакого переворота в науке. Скорее всего, он даже не приведет к приращению знаний о прошлом. Но историк может оказывать важные интеллектуальные услуги своему современнику. И в этом состоит главный смысл переадресации его труда: по собственному выбору быть полезным отдельной личности, смиренно послужить ей. «Смирись, гордый человек...»

Десять лет назад очень хорошо сказал об этом известный историк и публицист С.В.Кизюков: «Цель исторической науки вовсе не состоит в том, чтобы предсказывать будущее. Этот ныне успешно опровергаемый лозунг, этот прагматический взгляд инженера-большевика или советского “физика” 60-х гг. – просто короткая дань моде эпохи технологий. История, рассказывая “историю”, организует информацию – и в этом состоит его великая, почти что жреческая роль в современном мире, поскольку лишь структурированное знание о прошлом спасет человека от “ужаса бытия”. Здесь, впрочем, у каждого свои способы спасения. Дело историка – не “подбор фактов”, не “предсказание”, не “критика источников”, и уж тем более не какое-либо

“открытие законов истории”. Его труд – рассказывать истории о прошлом, оперируя знакомыми всем категориями, укладывая материал в понятные человеческому сознанию формы. Это значительно более благородная задача, чем все вышеупомянутые “псевдозадачи”».

Сумма всех устойчивых форм адресации обществу, какие может использовать профессиональный историк, может быть условно названа *социсторией* (старинное кургузое и тяжеловесное словосочетание «популяризация исторических знаний», мягко говоря, не вполне соответствует сути дела)... С социальной историей или, тем более, социально-экономической историей тут нет никакой связи. Речь идет о другом: «аудиторией-адресатом» социсторика служит не государство, не учащиеся и не научные круги, а социум, совокупность интеллектуалов, интересующихся знаниями о прошлом. И выбор аудитории производится осознанно – со всеми вытекающими последствиями.

По условиям нашего времени работа социсторика может быть приравнена к работе историка чисто академического, никогда не выходящего за пределы традиционного научного историописания. Они нужны исторической науке в равной степени: один служит ее творцом, другой – ее рупором, связывающим науку и общество. Превосходно и достойно всяческого уважения, когда один человек соединяет в себе качества социсторика и академического исследователя. Но практика показывает, что подобное счастливое сочетание весьма редко случается. Значит, носителям двух этих, столь разных, дарований необходимо большое взаимное уважение.

Друг без друга они слабы...